

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье проанализировано развитие понятийного ряда, приведшее к появлению словосочетания «электронное обучение» в языке российских педагогических исследований, охарактеризовано противоречие между фактическим употреблением его как термина, его институционализацией и недостаточностью разработанности его дефиниции.

Обогащение и развитие системы терминов, используемых в педагогических исследованиях, происходит динамично и обусловлено в том числе внедрением технологий и развитием электронных информационно-образовательных сред (ЭИОС). Уже отмечалась недостаточная разработанность дефиниции категории «информатизация» [1]. Анализ публикаций в ведущих российских периодических изданиях показывает, как часто и бессистемно употребляется исследователями словосочетание «электронное обучение» (ЭО). В то же время осуществлена институционализация данного понятия, введение его как термина в текст статьи 16 Закона об образовании РФ, декларирование ЭИОС в качестве условия реализации программ магистратур и бакалавриатов в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования (ФГОС ВО). Этим обусловлено противоречие между фактическим масштабным использованием терминологии ЭО и ее недостаточной разработанностью в педагогических исследованиях.

Автор данной статьи ставит цель проследить эволюцию понятийного ряда, приведшую в итоге к появлению указанного словосочетания в российской педагогической терминологии, пользуясь герменевтическим подходом и сопоставляя толкования понятий в их становлении и развитии. Как результат этого анализа предлагается собственная трактовка или определение данного понятия как педагогического термина.

Слово «e-learning» (варианты: «E-learning», «e-Learning», «eLearning» и т.п.) как сокращение от «electronic learning» по разным данным было использовано впервые в промежутке между 1997 и 1999 годами в США. Его введение приписывается таким специалистам, как Elliott Masie и Jay Cross, которые действовали не как профессиональные педагоги, а скорее,

как предприниматели, эксперты, популяризаторы науки.

Для англоязычного «learning» авторы словаря Н. В. Федорова и В. П. Лапчинская предлагают следующее толкование: «1. Учение, учебная деятельность. Изменения в поведении индивида в результате организации определенным образом своей деятельности, а также изменения в знаниях, умениях и отношениях. 2. Научение. Результат приобретения индивидуального опыта, особенно в дошкольном и младшем школьном возрасте» [2].

Учение есть разновидность познавательного процесса (Ю. К. Бабанский), в ходе которого на основе познания, упражнения и приобретенного опыта возникают новые формы поведения и деятельности, изменяются ранее приобретенные (И. П. Подласый); специально организованная деятельность по усвоению социального, а также интеллектуального, нравственного, эстетического опыта (Н. Ф. Талызина). Соответственно, обучение – органическое слияние учения и преподавания, упорядоченное взаимодействие педагога с учащимися, направленное на достижение поставленной цели.

В одной из первых русскоязычных публикаций, посвященных исследуемому предмету, не проводится различий между терминами ЭО и «e-learning», которые отождествляются как результат обобщения дистанционного и традиционного обучения [3]. В дальнейшем эта тенденция закрепилась. В то же время русскоязычная дидактическая категория «обучение» всегда предполагает неразрывную связь двух деятельностей – учения и преподавания. Отсюда следует некорректность отождествления ЭО и «electronic learning».

Возникновение словосочетания «электронное обучение» есть не что иное, как фразеологическое калькирование – вид неявного заимствования из иностранного (английско-

го в данном случае) языка, обусловленное необходимостью назвать новое явление, для которого в русском языке не нашлось адекватного, равного или близкого по смыслу выражения [4].

В результате этого некорректного заимствования в двух разных языках e-learning и ЭО стали обозначать разные явления, но исследователи в большинстве случаев допускают их смешение. В рамках данной статьи мы понимаем под герменевтикой исследование ЭО, базирующееся на сравнительном толковании оригинального и калькированного терминов. Термином является словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний [5]. Таким образом, для существования термина необходимо существование соответствующей предметной области. Легко убедиться, что для e-learning и ЭО эти области различны. При этом статус выражения e-learning как термина оказывается под вопросом. Это подтверждается результатами исследования Е. В. Языковой, из которых видно, что для статей об e-learning характерна чрезвычайная вольность в обозначении и толковании предмета исследования [6].

Как явствует из хронологии событий, адресатами внедрения e-learning были рабочие коллективы коммерческих компаний, то есть e-learning – это форма реализации корпоративного повышения квалификации [7].

Отсюда вытекают характеристические свойства e-learning:

1) это явление, возникшее в коммерческо-предпринимательской среде для решения задач бизнеса и ассоциирующееся в первую очередь с повышением собственной квалификации в целях роста конкурентоспособности;

2) оно технологически обусловлено (Web-enabled strategy);

3) применяемый язык также обуславливает e-learning. Само его возникновение связано с обновлением языка педагогов и предпринимателей, и, как мы покажем далее, развитие и становление также вовлекают создание языковых конструкций, а говоря более общо, знаковых систем, что дает нам основание говорить о семиотическом подходе к изучаемому явлению.

Вышесказанное подтверждает необходимость уточнения используемых формулировок и их толкований. Слово «electronic»

(«электронное») удобнее всего рассматривать как обобщение ряда эпитетов. «Электронность» обозначает такое качество, как доступность для обработки образовательной информации электронными устройствами (цифровыми и аналоговыми).

Анализ истории возникновения слова e-learning показывает [8], что оно в буквальном смысле заменило словосочетание Computer-based training (CBT) в названии коммерческой организации, оказывавшей консалтинговые услуги в области повышения квалификации рабочих коллективов фирм. В период до возникновения слова «e-learning» в англоязычном корпусе текстов использовались различные сочетания, получаемые путем соединения эпитета, характеризующего платформу и способ ее использования (web based, internet enabled, computer assisted, technology mediated) или характеризующего режим взаимодействия (distance, remote, online, virtual, mobile) с существительным (instruction, training, learning, teaching, tutoring, collaboration, education), примером чего является термин web-based instruction.

В одном из самых ранних текстов [9] Shirley Alexander (1995) пишет, что технократы фокусируются на свойствах новой технологии, с помощью которой воссоздается тот же опыт учения, которого можно было достичь с помощью существующих технологий. Несмотря на очевидную нежелательность помещения образования в ситуацию следования технологиям, невозможно не согласиться с Shirley Alexander в том, что веб предоставляет принципиально иную перспективу по сравнению со всеми предыдущими технологиями: создать опыт учения нового типа, который ранее не достигался, с учетом анализа предыдущих неудач.

Технология, известная как веб или world wide web, была создана в период с 1990 по 1992 г. британским инженером Тимом Бернерс-Ли, интегрировав в уже существовавшую сеть Интернет концепцию гипермедиа и используя Интернет в качестве технологической платформы.

Сегодня, по прошествии 20 лет, веб продолжает оставаться платформой образовательных взаимодействий как на расстоянии, так и в классе или аудитории, в некотором смысле метасредой или прообразом всех конкретных сред, в которых разворачиваются образовательные взаимодействия.

В работе Майкла Симонсона [10], посвященной ДО, как и у Shirley Alexander, ключевыми концепциями являются learning experience («anything that happens to the student to promote learning, including what is observed, felt, heard, or done» [10]) и learning environment. При этом основной мыслью Симонсона является идея об эквивалентности, достижении одного и того же опыта учения (learning experience, результата образовательной деятельности) для удаленного и присутствующего в аудитории учащегося за счет подходящей среды учения (learning environment). Согласно Симонсону, это возможно благодаря использованию той или иной теории учения (learning theory). Это означает, что при наличии некоей непротиворечивой теории, объясняющей и прогнозирующей процессы учения (и преподавания), образовательные результаты становятся эквивалентными благодаря среде учения. Мы считаем, что в современных терминах это и есть ЭИОС, фигурирующая в тексте Закона об образовании и в ФГОС ВО нового поколения как условие реализации образовательных программ.

Представляется, что к моменту появления словосочетания «e-learning» различные специалисты в области образования исходили из двух «встречных», противоречащих друг другу подходов:

- исследования различных новых опытов (результатов) учения, предположительно следующих из свойств новых технологий и новых сред;

- исследования теорий учения и сред учения, обеспечивающих одинаковый опыт (результат) учения для удаленных и очно присутствующих студентов.

Нам видится, что введение единой концепции e-learning можно теперь истолковать как попытку преодолеть противоречивость этой ситуации, после чего стало возможным выделить основания, по которым исследователь может в дальнейшем проводить классификацию изучаемых явлений:

- вид деятельности или взаимодействия (instruction → teaching → learning);

- платформа-среда (computer-based → web-based), указание которой складывается из существенного (computer, web, internet) и причастия (based, assisted, mediated и др.);

- режим доступа (distance → virtual → online → electronic → mobile).

Самым общим предварительным выводом

из вышеизложенного является гипотеза о том, что в англоязычном образовательном дискурсе сначала обсуждалось «дистанционное образование» как опосредованное взаимодействие на расстоянии, затем указанный дискурс стал обогащаться представлениями о виртуальных средах, об «электронизации» опыта деятельности преподавания и учения, параллельно с этим в коммерческом дискурсе возник переход от СВТ к e-learning. В результате произошло смыкание этих дискурсов, которое соответствовало увеличению открытости академической среды и возникновению публичных электронных курсов (МООС) как коммерческой, так и чисто академической направленности.

В российском образовании, судя по всему, около 1997–1998 годов стал оформляться дискурс дистанционного образования (прежде всего благодаря работам Е. С. Полат в сфере педагогики высшего образования) и практически одновременно в учебные планы многих вузовских педагогических специальностей была введена стандартная дисциплина «Информационные технологии в образовании» (ИТО, взамен дисциплины «Технические средства обучения»), затем стало расти число употреблений педагогами-исследователями термина ЭО в контексте объединения ИТО и ДО, что логически завершилось его институционализацией. Этапа развития повышения квалификации в электронных средах не было, а коммерческий аспект только на последних этапах начинает проявляться в разработке электронных курсов для площадок электронного обучения.

Отметим, что из 22 диссертаций (2004–2014), названия которых содержат словоформы «электронное обучение», в электронном каталоге Российской государственной библиотеки (diss.rsl.ru) только 6 написаны по педагогике, а специализации остальных работ – техника (9), экономика (5), психология (1) и филология (1). Ни одно из шести педагогических исследований не рассматривает сам по себе феномен ЭО как предмет, а лишь как один из факторов (авторы исследуют, например, подготовку студентов средствами ЭО или в условиях ЭО, не раскрывая специфику своего толкования ЭО).

Таким образом, предстает другое противоречие: с одной стороны, современные студенты, обучающиеся, взаимодействуют с ЭИОС и в них; с другой стороны, требования ФГОС ВО

и современные педагогические исследования не обозначают ЭО и ЭИОС как предмет изучения. Автор данной статьи полагает, что необходимость разрешения данного противоречия делает актуальным исследование ЭО именно как педагогического феномена, для чего следует ввести его корректное определение. Анализ существующих толкований в их сравнении и развитии позволяет сделать вывод о том, что такое определение возможно, если свести его к существующим педагогическим категориям, выбрав ЭИОС в качестве нового отличительного признака, учитывая тот факт, что это понятие остенсивным образом (то есть через явное перечисление компонентов) уже определено в тексте Закона.

На основе проведенного исследования предлагаем следующую генетическую дефиницию: *электронное обучение – это всякая деятельность учения и преподавания, все процессы обучения, подготовки или консультирования, а также формирования и развития*

опыта и компетенций, разворачивающиеся в какой-либо электронной информационно-образовательной среде (ЭИОС).

В этой дефиниции основными родовыми понятиями выступают педагогические термины *учение, преподавание, обучение, подготовка, консультирование*, а видовым отличием выступает указание на ЭИОС как условие организации и развертывания этих деятельностей и процессов.

Тем самым проблематика ЭО раскрывается через проблематику сред, реализуя экологический подход к предмету исследования. Этим задаются и направления дальнейших исследований: конструирование неостенсивного определения (генетической дефиниции) понятия ЭИОС как педагогического термина, закономерности педагогических взаимодействий в ЭИОС как электронных экосистемах и вытекающие из них условия, принципы, модели и системы подготовки и обучения в ЭИОС.

Л и т е р а т у р а

1. Монахова Л. Ю., Монахова А. А. Терминологический аспект проблемы информатизации образования // Человек и образование. – 2005. – № 3. – С. 67–71.
2. Федорова Н. В., Лапчинская В. П. The Learner's English-Russian Dictionary of Education. – М.: Издат-школа, 1998. – 160 с.
3. Соловов А. В. Дидактический анализ проблематики электронного обучения // Труды международной конференции "IEEE International Conference on Advanced Learning Technologies". – Казань: КГТУ, 2002. – С. 212–216.
4. Купова Ю. Н. Калькирование из английского в русский язык // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2012. – № 2. – С. 74–79.
5. Общая терминология: Вопросы теории / отв. ред. Т. Л. Канделаки. Изд. 5-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 248 с.
6. Языкова Е. В. Орфографическая вариантность термина e-learning в современном английском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2011. – № 13. – С. 283–288.
7. Rosenberg, Marc (2001). *E-Learning: Strategies for Delivering Knowledge in the Digital Age*. NY: McGraw-Hill. 344 p.
8. Cross, J. (2004). An informal history of eLearning. *On the Horizon*, 12(3), 103–110.
9. Alexander, S. (1995). Teaching and learning on the World Wide Web. In R. Debreceeny & A. Ellis (Eds.), *Ausweb95: Innovation and Diversity*, (pp. 93-99). Ballina, New South Wales: NORSERCH Limited.
10. Simonson, M. (1999). Equivalency theory and distance education. *TechTrends*, 43(5), 5–8. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/609961547?accountid=14872>